

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	78
Глава 7	94
Глава 8	110
Глава 9	126
Глава 10	142
Глава 11	158
Глава 12	174
Глава 13	190
Глава 14	206
Глава 15	221
Глава 16	236
Глава 17	253
Глава 18	270
Глава 19	284
Глава 20	301
Глава 21	325
Глава 22	340

Глава 1

Бззз, щелк. Пауза. Бззз, щелк. Пауза. Бззз, щелк. Да японский городской, ну сколько можно издеваться. Я высунул голову из-под одеяла и, щуря сонные глаза, осмотрелся. А где это я? Приподнялся было на локте, но глухая спинка кровати загораживала мне обзор. Оттолкнувшись, сел и опустил ноги на прохладный после постели пол.

Комната. Нет, скорее, обычная палата на четыре койки, две из которых заняты. Судя по щели света из-под двери, сейчас ночь. Большое окно с двумя фрамугами без каких-либо признаков штор подтверждает этот вывод. Я провел рукой по стене сзади. Не обои, краска. Рука наткнулась на подходящую откуда-то сверху трубу, потом на маленький кран с барашком. Что за чудо? Я наклонился к крану, пытаюсь понять, на кой черт он нужен около кровати. Что-то рядом с ним на стене написано. Наклоняя в разные стороны голову, чтобы поймать отраженный свет, смог прочитать: кислород. Да еще и написано через трафарет, с подтеками. Легкий запах кар-

болки, ее ни с чем не перепутаешь. Однозначно больница или санаторий. Но что я тут делаю?

Откинув одеяло, я обнаружил полное отсутствие труселей на себе. Однако интересно тут девки пляшут. Завернувшись в одеяло, я встал и подошел к окну. Темный внутренний двор, освещаемый всего двумя фонарями. Пара каких-то то ли домишек, то ли сараев. Прикинул по соседним окнам — моя палата на третьем этаже. Понятно, что ничего не понятно. Ладно, вернемся к вопросу «что я тут делаю?» Голова не болит, руки-ноги тоже. Живот и жопа на месте. Задница, правда, чешется немного. Перехватив одеяло левой рукой, правой я провел по голове: уши и нос тоже на месте. А вот прически нет, только небольшой ежик. Стал вспоминать, что же было вчера. А вчера вечером я сел в купе СВ поезда Москва-Петербург. Очень удобный по времени поезд: садишься поздно вечером и утром, как нормальный белый человек, выспавшийся, умытый и накормленный, выходишь на Невский. Или идешь в метро, причем не выходя из вокзала. Никакого сравнения со всеми этими сапсанами и экспрессами, где ехать хоть и быстро, но ты ощущаешь себя одной из килек в банке. Так, не отвлекаться. Поезд, купе, поехали, я поклевал что-то из предложенного проводницей ужина, выпил пару банок пива — и все. Совсем все. Завалился в постель и уснул.

Ладно, метод дедукции не дал результатов. Но, если я в больнице, значит, должна быть дежурная медсестра. Она-то точно знает, где я.

Открыв дверь палаты, я сразу же обнаружил источник разбудившего меня звука. Прямо над головой мигала одна из ламп. Дневного света, да еще со стартерами. Надо же, еще где-то они остались. Передо мной был длинный коридор, на полу которого лежал вытертый посередине линолеум. «Взлетка», так, кажется, на жаргоне врачей он называется. Или это у военных? Слева в нескольких метрах была призывно приоткрыта дверь с неряшливо нарисованной буквой «М». Повернув голову в другую сторону, я метрах в 30 обнаружил стол с сидящей за ним медсестрой. Она читала какую-то книжку, изредка что-то записывая в лежащую рядом тетрадь. Я почувствовал легкую гордость за себя — правильно угадал про больницу.

С легким недоумением «ведь только что» я почесал еще раз полупопие и, подпернув одеяло повыше, пошел в туалет. Перед дамами необходимо быть в полном соответствии, хоть даже и без трусов. Туалет меня встретил тускло горящей лампочкой ватт в двадцать и треном, обложенным кафелем. Не, реально три ступеньки, фаянсовое чудо и торчащий над всем этим великолепием сливной бачок. Свисающая сбоку бачка цепочка с белой мандулой на конце завершали картину. Это в какие же бебенья меня занесло, что тут до сих пор такие раритеты стоят? И даже рабочее, в чем я убедился, смывая результаты своей жизнедеятельности. Нет, точно надо будет запомнить место и водить потом сюда экскурсии.

Выйдя из туалета, я пошел к медсестре. Она услышала шлепанье моих босых ног и, не поднимая головы, негромко произнесла:

— Больной, немедленно вернитесь в палату.

— Дайте стул, пожалуйста, заснуть не могу, — зашел с козырей я. Отношения с персоналом надо налаживать сразу же, покормят получше или обслужат побыстрее. А если женщину удивил — значит, половину уже сделал.

— А зачем вам стул? — наконец подняла она на меня голову. — Э-э-э, это вы?

— Это я, — поправив одеяло, согласился я, — а стул нужен, чтобы лампа в коридоре не мигала и не жужжала.

Кажется, переборщил. Широко открыв глаза, на меня смотрела хрупкая девочка в белом халате. Из видимого наряда выделялась косынка, завязанная сзади, которая своими явно накрахмаленными крыльями придавала ей вид адентки какого-то медицинского божества.

— Э-эй, есть кто-нибудь дома? — я пощелкал пальцами перед ее лицом.

Отлипнув, она гулко сглотнула и, не отрывая от меня взгляда, начала вставать.

— Больной, вы только не волнуйтесь, все будет хорошо, все уже прошло... — опасливо глядя на меня, начала бормотать она. Да она меня боится! Едренить, и что тут такое происходит?

Увидев, что я не собираюсь на нее кидаться, да и вообще тоже немного удивлен, она собралась с духом и, немного заикаясь, произнесла:

— В-в-вы тут постоит тихонько, а я за дежурным врачом схожу, хорошо?

Выдав путем кивка головы однозначное согласие на оба пункта, я пронаблюдал за огибающей меня по кругу медсестрой, еще немного напугав ее этим. Вопросов становилось все больше, а ответов по-прежнему не было. Оставшись один на посту, я огляделся. Закуток размером с палату. Стол, на нем старинная настольная лампа, учебник, тетрадь. Стул... Я чуть приподнял его. Тяжелый, сваренный из железок, с подушкой, покрытой кожей молодого дерматина. Меня точно выдержит. Стоящие друг за другом вдоль стены две кушетки. Стекланный шкафчик со стекланными же полочками, на которых стояли какие-то пузырьки. Окно, опять без штор. Я перевернул учебник обложкой к себе: «Гистофизиология». Офигеть, я такое и про себя-то читаю с трудом, а они это учат. В окно виднелась проходящая рядом дорога, за ней какие-то обшарпанные дома и где-то вдалеке торчала труба то ли ТЭЦ, то ли завода. И если судить по листве на деревьях, то сейчас лето или весна. «А ведь когда уезжал, еще зима была», — пробормотал я, проведя еще раз рукой по щетине на голове. Опять сильно зачесалась задница. Да что же это такое...

Повернувшись, я замер. На противоположной стене висел календарь. Сверху рисунок со Сталиным, поднявшим правую руку на фоне карты страны. Ниже надпись: «Под водительством великого Сталина — вперед к коммуниз-

му». А еще ниже за углы медицинским лейкопластырем был приклеен листочек с месяцами. В рот мне ноги и завязать узлом. Нет, я слышал, что нынче к подобному относятся лояльно, но не настолько же... Я подошел поближе. Странный вообще календарь. Воскресенье почему-то идет первым в днях недели. Суббота напечатана тем же цветом, что и остальные дни. Я скользнул взглядом по списку памятных дат вниз. «5 декабря — день Сталинской Конституции». Да вы охренели все скопом здесь, что ли? Нет, что-то тут не то. Лампы, толчок, Сталин этот. Я подошел к столу, взял учебник и, открыв последнюю страницу, уставился на выходные данные. 1948 год. Нет, конечно, с тех времен человеческая тушка изменилась слабо, но учиться по учебнику полувековой давности — это перебор.

От размышлений меня отвлекло приближающееся бубнение. Сестричка что-то говорила доктору, а тот ей отвечал успокаивающим тоном. «...Нет, милочка, вы положительно меня мистифицируете», — открывшаяся дверь впустила в коридор доктора, за которым хвостиком вилась медсестра. Врач был совершенно не таким, каким я привык видеть эскулапов. Нет, очки в тонкой оправе и седая бородка клинышком были норм. Но остальное... Халат, одетый прямо на костюм, явно запахивался где-то на спине, если судить по завязанному пояску. Белая шапочка на голове по форме была ближе к поварскому колпаку, чем к привычному мне атрибуту докторов. Я пере-

вел взгляд вниз. И ботинки. Обычные, начищенные черным кремом ботинки. Сколько ни видел докторов, все они в больнице щеголяли в тапках.

— Вы кто? — подняв взгляд, спросил удивленно я.

— Позвольте представиться, Виктор Александрович Грецкий, врач, — ответил он. И тут же в лоб: — Милейший, вас что-нибудь беспокоит?

— Да задница чешется, а так норм все. А где я?

— Уважаемый, вы в городской объединенной больнице города Калинина, — почему-то снова на старомодном языке ответил айболит. — А позвольте поинтересоваться, как вас зовут?

— Слава я, — снова начав чесать филейную часть, почему-то решил посекретничать я. Значит, что-то случилось в поезде, раз я тут оказался. Но где этот Калинин? Я покопался в памяти и не нашел никаких знакомых городов с таким названием. Переименовали? Буду пока считать, что этот город где-то на пути из Москвы в Питер.

— Так, Евгения Александровна, милочка, принесите, пожалуйста, простыней в ординаторскую, давайте осмотрим... кхм, беспокоящую пациента... ну, пусть будет мускулюс глютеус, — обратился он к медсестре.

Та, по-прежнему не говоря ни звука, кивнула и тут же куда-то ушуршала. Меня же провели в соседнюю комнату и предложили располагаться. Еще одна кушетка, пара шкафов, большой круглый стол посередине и стулья вокруг. Взяв ближайший стул, я уселся на него, зажав одеяло между ног.

— Хм, атаксии не наблюдается, это очень хорошо, — услышал я от доктора. Не знаю, что такое «атаксия», но раз ее нет и это хорошо, то я полностью согласен с доктором, болячек мне не надо.

— Вячеслав, вы позволите мне вас так называть? А какие у вас последние воспоминания перед попаданием в наше замечательное во всех смыслах медучреждение? — доктор решил продолжить.

— Сел в поезд, выпил, уснул, — несуразность происходящего вокруг прямо-таки вопила мне о том, что сильно много говорить не надо.

Тут вошла эта самая Евгения. Плюхнув пачку простынок на стол, она взяла верхнюю, взмахнула ей, расправляя и опуская на кушетку. Затем, наклонившись, стала заправлять ее по углам. Натянувшийся халатик обрисовал контуры попы и приподнял завесу над стройностью ног. А ничего так...

— Тэ-экс, парафилии тоже не наблюдается, — вдруг донеслось до меня.

Повернув голову, я увидел наблюдающего за мной айболита. Черт, спалил, как пацана...

— Ну-с, снимайте одеяло и ложитесь, — последовало распоряжение.

Немного показушно я встал, скинул с плеч одеяло и глянул вниз. Уф-ф. Ничего не торчит, а значит, стесняться нечего, тут все врачи. Или скоро ими будут.

Расположившись на кушетке, я без всяких просьб ткнул пальцем в чешущееся место. Айбо-

лит ткнул туда пальцем, потом спросил: «Больно?» И, даже не выслушав ответ, начал раздавать приказания. Вскоре меня в районе лопаток и полушарий уже натирали каким-то камфорным спиртом. Воняло противно, но прикосновения женских рук все компенсировали. Черт, чего меня так плющит-то? Соберись!

— Доктор, а можно мне еще штаны какие-нибудь? А то сверкать голым задом не входит в список моих любимых занятий, — попросил я, снова укутываясь в одеяло. А эта медсестричка стоит и наблюдает, зараза. Как будто голого мужика не видела. А может, и не видела... живого.

— Всенепременно! А позвольте у вас узнать, что входит в ваш список любимых занятий? — тут же кинул ответку айболит.

— Комп... — тут же прикусил я язык. Если это то, о чем где-то вдалеке машет мне моя чуйка, то слово «компьютерщик» тут никто не поймет. Надо срочно выгадать время на подумать.

— Компанейский я... Наверное. А больше... Не помню, — с длинными паузами, перемежающимися собиранием складок на лбу, ответил я, состроив удивленное лицо.

— А вообще, что со мной? — как-то неожиданно заменил я букву «щ». Очень старый фильм недавно смотрел, там привычные нам «щ» выговаривали совершенно по-другому.

— Милейший, вы попали в железнодорожную аварию. Какой-то товарищ из колхоза на тракторе куда-то не туда заехал, и паровоз сошел